

С.Б. Поляков, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; кассационная инстанция; обязанность; механизм реализации санкции.

Аннотация: В статье обращается внимание на явление судебной практики, непредсказуемо противоречащее законодательству. Приводится судебное решение по конкретному юридическому делу, показывающее применение норм права в полной противоположности к ясным, не допускающими различное толкование либо усмотрение правоприменителя предписаниями закона. Одобрение такого правоприменения приобретает непреодолимую законную силу после вынесения судьей Верховного Суда РФ постановления об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (надзорной жалобы – в арбитражном судопроизводстве) без рассмотрения по существу всех доводов кассационной жалобы и без указания мотивов их отклонения. Приводятся доказательства типичности таких нарушений процессуального закона (п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, п. 5 ст. 308.6 АПК РФ).

Конституционный Суд РФ регулярно выносит определения о соответствии Конституции РФ п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, отождествляя обязанность и ответственность, что соответствует понятию позитивной юридической ответственности. Непрерывающийся поток жалоб на неконституционность этих положений закона говорит о том, что проблема только усугубляется. В статье обосновывается, что решение названной проблемы законности возможно только путем конкретизации «старых» понятий юридической ответственности, но не новыми дефинициями юридической ответственности, в пределах которых судьям сущее беззаконие превращается в разумное по какому-нибудь приговору для этого правопониманию. Предлагаются варианты решения проблемы, исходя из понимания юридической ответственности как реализации санкции и необходимости вывода об отсутствии юридической ответственности (безответственности) при выявлении отсутствия санкций и/или механизма их реализации за неисполнение обязанностей или несоблюдение запретов.

ВВЕДЕНИЕ

Об изменении судебной практикой действительного содержания норм права, созданных законодателем, обращается внимание в нашей науке. Приводятся примеры того, как судебными актами по конкретным делам либо постановлениями высших судов, обобщающих правоприменительную практику, создаются предписания, противоположные содержащимся в законе [1–4]. Крайняя форма судебного антизаконодательства – немотивированное оставление в силе (отказ в удовлетворении кассационных жалоб) судебных актов по конкретным делам, в которых нормы права применены в противоположном закону смысле. Совокупность таких неотменных актов превращает отдельные идентичные факты применения нормы, которые при законной силе судебного акта нельзя в силу ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (обязательность судебных постановлений) считать незаконными, в правило, противоположное нормам, содержащимся в законе. В процессуальном законе предусмотрены обязанности судей кассационных инстанций по проверке доводов жалоб и мотивировке своих выводов, но нет неотвратимого механизма реализации санкций за их неисполнение.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Неуникальный пример судебной практики.

Приговором Дзержинского райсуда г. Перми от 09.02.2016 К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (хищение прав требования на имущество Завода, руководителем юридической службы которого он работал), оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, отказано в удовлетворении гражданского иска на сумму обвинения в хищении.

Постановлением Верховного Суда РФ от 10.10.16, в котором указано на отсутствие факта хищения и всех признаков преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, кассационные жалобы К. и Завода с одинаковыми позициями направлены для рассмотрения в президиум Пермского краевого суда, постановлением которого от 11.11.2016

отменено апелляционное определение от 25.04.2016, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным определением от 21.12.2016 приговор отменен полностью, уголовное дело со ссылкой на ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ возвращено прокурору г. Перми для устранения препятствий к его рассмотрению судом. В нем для отмены в полном объеме приговора и возвращения уголовного дела прокурору фактическими основаниями были указаны только два обстоятельства:

- 1) завод должен быть признан потерпевшим;
- 2) необходимо выполнить указания прокуратуры Дзержинского района от 2014 г., которая отказалась утверждать обвинительное заключение и указала на отсутствие преступления в предъявленном обвинении, что полностью совпало с постановлением Верховного Суда РФ от 10.10.16.

В судебных заседаниях президиума Пермского краевого суда от 11.11.2016 и апелляционной инстанции 14–21.12.2016 надлежащие представители Завода участвовали, подробно изложили свою позицию об отсутствии события преступления и просили вынести оправдательный приговор К. Тем более устранимым в судебном заседании апелляционной инстанции было решение вопроса о юридической правоте между позицией прокуратуры Дзержинского района в 2014 г., поддержанной тогда же заместителем прокурора Пермского края, полностью соответствующей постановлению Верховного Суда РФ от 10.10.16, и позицией прокуратуры Пермского края, занятой в апелляционных инстанциях по делу. Никаких препятствий для решения этого спора между прокуратурами именно судом, а не прокуратурой, закон (в том числе ст. 237 УПК РФ) не содержит.

Постановлением судьи Пермского краевого суда от 27.01.2017 и постановлением судьи Верховного Суда РФ от 02.05.2017 отказано в удовлетворении кассационных жалоб защиты К. на апелляционное определение от 21.12.2016. В них нет никакой оценки доводам о том, что:

- в апелляционном определении от 21.12.2016 нет ссылки на ст. 237 УПК РФ и на обстоятельства, соответствующие ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ;
- апелляционным определением от 21.12.2016 отменен вступивший в законную силу приговор по оправда-

нию К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, и в части отказа в удовлетворении гражданского иска, заявленного Территориальным управлением Федерального агентства по управлению имуществом в Пермском крае, при отсутствии кассационного обжалования приговора в этой части и, более того, при отказе прокурора в судебном заседании апелляционной инстанции в декабре 2016 от апелляционной жалобы в части оправдательного приговора;

– утверждение постановления судьи Пермского краевого суда от 27.01.2017 о том, что отмена оправдательного приговора не ухудшает правовое положение К., лишает его гарантий, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, и не имеет смысла без ухудшения его положения;

– прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных статьей 254 УПК РФ, является безусловным основанием для отмены апелляционного определения, в этом деле:

а) п. 1 ст. 254 УПК: отсутствие заявления потерпевшего является безусловным основанием для прекращения дела в силу п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;

б) п. 2 ст. 254 УПК: отказ обвинителя от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

В результате вопреки буквальному содержанию закона (ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ, ч. 7 ст. 246, п. 4 ч. 1 ст. 27, п. 1 и 2 ст. 254, п. 1 ч. 2 ст. 389.17, ч. 1 ст. 389.24) для дела К., а может быть, и на будущее для других дел созданы предписания (текст закона дополнен частицей «не», придающей ему противоположное созданное судебными постановлениями значение):

1) применение ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ возможно без ссылки на конкретные положения ст. 237 УПК РФ;

2) полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства не влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 УПК РФ;

3) уголовное преследование в отношении обвиняемого не прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению;

4) суд не прекращает уголовное дело в судебном заседании:

а) в случаях, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пунктах 3–6 части первой, в части второй статьи 24 и пунктах 3–6 части первой статьи 27 УПК РФ;

б) в случае отказа обвинителя от обвинения в соответствии с частью седьмой статьи 246 или частью третьей статьи 249 настоящего Кодекса;

5) прекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных статьей 254 УПК РФ, не является основанием отмены или изменения судебного решения в любом случае.

Такие предписания – прямое следствие того, что суд не привел мотивов отклонения доводов кассационной жалобы защиты К., в результате чего его уголовное преследование бесконечно продолжается.

Пункт 5 ст. 401.10 УПК РФ предусматривает, что постановление судьи об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции должно содержать мотивы, по которым отказано в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Аналогичное правило содержится в п. 5 ст. 383 ГПК РФ для суда кассационной инстанции по гражданским делам, в п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ для суда кассационной инстанции по административным делам, в п. 5 ст. 308.6 АПК РФ для суда надзорной инстанции в арбитражном судопроизводстве

(далее положения КАС РФ и АПК РФ не рассматриваются). Причем в этих положениях закона не содержится обязанность судьи кассационной инстанции указать все доводы кассационной жалобы и на каждый из них привести фактические и/или юридические мотивы для отказа в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [5]. Поэтому формально не является нарушением этой обязанности то, что указываются только те доводы, жалобы, которые можно более или менее аргументированно отклонить, а неопровержимые остаются без оценки.

В ст. 401.15 УПК РФ и в ст. 387 ГПК РФ основания для отмены судебных постановлений в кассационном порядке сформулированы оценочной формулировкой «существенные нарушения норм материального и процессуального права». В постановлении от 05.02.2007 № 2-П Конституционный Суд РФ не усмотрел неконституционности в том, что в ст. 387 ГПК РФ основание для отмены судебных постановлений сформулировано приведенной оценочной формулировкой, но в то же время конкретизировал это понятие в п. 5 резолютивной части постановления применительно к возможности пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Однако практически любое нарушение закона судом на основании этой оценочной формулировки может быть признано несущественным для отказа в судебной защите. Следовательно, в ст. 401.10 и 401.15 УПК РФ, ст. 383 и 387 ГПК РФ установлено, что обязанный субъект (судья) по своему усмотрению определяет объем и условия исполнения установленной для него законом обязанности.

Эти предписания об обязанности судьи, рассматривающего кассационную жалобу, не являются завершёнными логическими нормами, поскольку ни в УПК РФ, ни в ГПК РФ не содержится ясных санкций за неисполнение этой обязанности и порядка их реализации. Часть 3 ст. 401.8 УПК РФ предусматривает, что Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции и вынести постановление об отмене такого постановления и о передаче кассационных жалоб, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда кассационной инстанции. Однако это крайне редко работающий инструмент. Во всяком случае, жалоба К. на явное отсутствие в судебных постановлениях фактических оснований для применения к нему меры пресечения, ухудшающей его положение, при удовлетворении его кассационной жалобы президиумом Пермского краевого суда показательно была оставлена без удовлетворения бессодержательным письмом заместителя председателя Верховного Суда РФ от 19.01.2017. Надзорный порядок предусматривается для крайне ограниченного круга постановлений (ст. 412.1 УПК РФ, ст. 391.1 ГПК РФ).

Поэтому п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ являются неопределёнными по своим правовым последствиям предписаниями, исполняемыми произвольно по усмотрению обязанного лица, для которого не установлена юридическая ответственность. Это взгляд юриста, для которого нет юридической ответственности, если нет санкции за неисполнение обязанности или за несоблюдение запрета и/или реального механизма ее реализации.

Но с точки зрения приверженцев позитивной юридической ответственности, для которых достаточно наличия обязанности или запрета для уверенности в их добровольной реализации, никаких дефектов в законодательстве нет. На этой же позиции стоит и Конституционный Суд РФ, который регулярно выносит определения о соответствии Конституции РФ п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ.

Так, в СПС «КонсультантПлюс» обнаружено 31 определение за 2015–2016 годы и 7 определений за часть 2017 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалоб, в которых заявители указывали на неопределенность п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, соответственно, 25 и 9 – на неопределенность п. 5 ст. 383 ГПК РФ, позволяющую, как было в их делах, судьбе кассационной инстанции в решении, выносимом по результатам изучения в предварительном и единоличном порядке поступившей кассационной жалобы, уклоняться от изложения содержащихся в ней доводов, а также от приведения мотивов, по которым эти доводы отвергаются. В этих определениях Конституционный Суд РФ указывал, что оспариваемые законоположения как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, не могут расцениваться в качестве нарушающих права заявителя. Так в определении Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1260-О сказано: «Кроме того, согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются (Постановление от 3 мая 1995 года № 4-П; определения от 8 июля 2004 года № 237-О, от 25 января 2005 года № 42-О, от 12 ноября 2008 года № 1030-О-О, от 22 января 2014 года № 55-О, от 29 марта 2016 года № 610-О, от 23 июня 2016 года № 1175-О, от 29 сентября 2016 года № 1812-О, от 20 декабря 2016 года № 2760-О и др.)». Как замечает относительно таких определений М.Ш. Пацация, указание КС РФ на содержащуюся в п. 5 ст. 383 ГПК РФ презумпцию обоснованности соответствующего отказа не дает ответа на вопрос о том, каким образом могут быть защищены права соответствующих лиц, если эта презумпция явно оспорима [5].

Правоприменительная практика, хотя бы по делам лиц, обратившихся в Конституционный Суд РФ (количественный показатель), и в деле К. свидетельствует о регулярном неисполнении судами обязанности, предусмотренной п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ, т. е. еще как допускается «отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений». Немало публикаций о немотивированности судебных постановлений, в конечном итоге кассационных инстанций, оставляющих без оценки доводы сторон по делу и их кассационных жалоб [6–10].

Сама по себе обязанность судей в пользу заявителей, конечно, не нарушает их прав, корреспондирующих обязанности. Тем более что в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» напоминается: «В постановлении об отказе в передаче кассационных жалоб, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции судьбе, по смыслу пункта 5 статьи 401.10 УПК РФ, надлежит ответить на доводы жалобы, представления, в которых оспариваются законность приговора, определения, постановления суда, и указать мотивы принятого решения». Их права нарушает неисполнение обязанности судей кассационной инстанции.

Отсутствие неуклонного механизма реализации санкций за это лишает указанные обязанности юридического характера, т. е. принудительной и неотвратимой силы государственной власти. В компетенции не только Конституционного Суда РФ, что он подчеркивает в большинстве определений по указанным вопросам, но и любого другого органа государства нет правомочий на

безукоснительную реализацию п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ. Но довод заявителей об отсутствии механизма реализации санкции за неисполнение указанной обязанности в решениях Конституционного Суда не рассматривался, что вполне вписывается в понятие позитивной юридической ответственности. Именно на этой платформе Конституционный Суд РФ утверждает о наличии юридической ответственности судебной власти и о надлежащем обеспечении прав граждан на эффективный кассационный пересмотр судебных актов.

В этом вопросе – момент практической значимости дискуссий о понятии юридической ответственности. Неозримое множество точек зрения о том, что такое юридическая ответственность (систематизированных Д.А. Липинским [11]) продолжает пополняться [12; 13]. Что можно найти в них для ответа на вопрос о последствиях неисполнения юридической обязанности судьями кассационной (в арбитражном процессе – надзорной) инстанции?

Для того, кто считает, что юридическая ответственность – это реализация санкции [14; 15], очевидно отсутствие юридической ответственности судебной власти ввиду отсутствия механизма реализации санкций за неисполнение обязанностей, предусмотренных п. 5 ст. 401.10 УПК РФ и п. 5 ст. 383 ГПК РФ. «Между санкцией и ответственностью существует определяющая прямая (без санкции нет ответственности; нормативная конструкция последней обусловлена видом санкции) и жесткая обратная связь: если правонарушители не несут ответственности, санкция становится декларативной, чисто абстрактной угрозой. Нет смысла и даже вредно устанавливать санкции, если не определен порядок их применения либо они не применимы или не применяются» [16].

Именно эта позиция, а не успокоенность установлением позитивной ответственности или чем-то еще добровольным будирует искать выход из конечности инстанции ответственности в судебной системе. Например, путем создания специальных коллегий по правонарушениям судебной власти вне системы судов из ученых юристов для проверки наличия в постановлении судьи Верховного Суда РФ мотивированных возражений на все доводы кассационной жалобы и соответствие их закону и актам высших судов, с применением в отсутствие таковых праввосстановительных санкций: возложение обязанности на суд надзорной инстанции рассмотреть дело в порядке надзора [17]. Если суд присяжных, в котором «не юристы» решают вопрос о доказанности факта, считается прогрессивной формой правосудия, то почему правоведа не смогут для пользы правосудия дать формально-юридический анализ текстов кассационных жалоб и судебных актов по их рассмотрению, не предвешая вопрос по существу дела, а только устанавливая факт наличия или отсутствия ответа на доводы жалобы.

Возможны и иные варианты. В соответствии с принципами взаимной ответственности личности и государства (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), прямого действия Конституции РФ (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и обязанностью государства обеспечить судебную защиту прав и свобод человека (ст. 18, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) жалобы в Конституционный Суд РФ о неисполнении обязанности, предусмотренной п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, могут направляться Конституционным Судом РФ в Верховный Суд РФ для рассмотрения дела в кассационном порядке, если при формальном анализе (без проверки указываемых фактических обстоятельств) кассационной жалобы и постановления об отказе в ее удовлетворении выявлено, что в последнем нет выводов относительно юридически значимых доводов жалобы.

ВЫВОДЫ

1. Неисполнение обязанности рассмотреть все доводы кассационных и надзорных жалоб и дать мотивиро-

ванную оценку каждому (п. 5 ст. 401.10 УПК РФ, п. 5 ст. 383 ГПК РФ, п. 5 ч. 2 ст. 324 КАС РФ, п. 5 ст. 308.6 АПК РФ) имеет массовый характер, что порождает судебную практику, непредсказуемо противоречащую законодательству, и размывает правовую систему России.

2. Конституционный Суд РФ уходит от решения проблемы ссылками на определенность в законе обязанности судьи кассационной инстанции. Не замечать отсутствие последствий ее неисполнения позволяет понимание юридической ответственности в «позитивном» смысле.

3. Признание названной проблемы и поиск ее решения возможны при понимании юридической ответственности как реализации санкции и констатации отсутствия юридической ответственности (безответственности) при выявлении отсутствия санкций и/или механизма их реализации за неисполнение обязанностей или несоблюдение запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.В. Позиция Пленума Верховного Суда РФ по применению Ст. 256 УК РФ изменена в пользу браконьеров // Второй Пермский конгресс ученых-юристов: материалы Международной научно-практической конференции. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. С. 292–293.
2. Гонцов Н.И., Реутов В.П. О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 3. С. 10–22.
3. Реутов В.П. Юридические коллизии в постановлениях пленумов высших судебных органов Российской Федерации: понятие и виды // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 283–289.
4. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // LEX RUSSICA. 2015. № 3. С. 28–42.
5. Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 55–57.
6. Осин В.В. Есть ли в России судебный надзор? // Адвокат. 2008. № 3. С. 42–63.
7. Султанов А.Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2. С. 11–14.
8. Гривков О.Д., Шичанин А.В., Шмырков С.В. Усиление тенденции немотивированности судебных актов в России // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 22–29.
9. Султанов А.Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспоримости в судах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 221–231.
10. Султанов А.Р. Мотивированность судебного акта как требование стандартов справедливого правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 25–30.
11. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 357 с.
12. Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6. С. 152–164.
13. Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 3–6.
14. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. 208 с.
15. Явич Л.С. Право и социализм. М.: Юридическая литература, 1982. 173 с.
16. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Моск. ун-та, 1981. 239 с.
17. Поляков С.Б. Юридическая ответственность государства. М.: Юридический мир, 2007. 431 с.

ANTI-LEGISLATION AS THE RESULT OF THE JUDICIAL POWER IRRESPONSIBILITY

© 2017

S.B. Polyakov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Chair of the Theory and History of State and Law
Perm State National Research University, Perm (Russia)

Keywords: legal liability; cassation institution; obligation; sanction realization mechanism.

Abstract: In the article, the attention is given to the court practice event that unpredictably contradicts the legislation. An example of the court's decision in relation with a specific case is given, which demonstrates the application of the legal norms in direct contradiction to the clear legal provisions not allowing for a different interpretation or for the legislator's discretion. This application of law gains an insuperable legal approval when the Judge of the RF Supreme Court makes a decision to refuse to transfer the cassation appeal to the cassational court (and the supervisory appeal – to the arbitration court) with no examining the merits of the cassation appeal arguments and not giving the reasons for the dismissal of the appeal. The typical character of such breaches of the procedural law is proved (Item 5 of Article 401.10 of the RF Criminal Procedural Code, Item 5 of Article 383 of the RF Civil Procedural Code, Item 5 of Part 2 of Article 324 of the RF Administrative Procedure Code).

The RF Constitutional Court regularly makes decisions on the compliance of Item 5 of Article 401.10 of the RF Criminal Procedural Code and Item 5 of Article 383 of the RF Civil Procedural Code with the RF Constitution, equating the obligation and the liability, and this complies with the positive juridical liability notion. The never ceasing stream of complaints about the unconstitutionality of these law provisions is an evidence of the problem growing worse. The article justifies the supposition that the solution for this legacy problem is found exceptionally in the concretizing the “old” notions of the legal liability, but not in the new definitions of the legal liability which within their boundaries give a chance to the actual lawlessness to turn to a reasonable phenomenon based on some suitable understanding of law. The variants have been proposed for solving the problem based on the understanding of the juridical liability as the realization of the sanction and the necessity to make a conclusion about the absence of the juridical liability (irresponsibility) when revealing the absence of sanctions and/or the mechanism of their realization for the failure to follow the obligations and non-observance of prohibitions.